

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р82

Оформление серии *А. Дурасова*

В оформлении книги использована
репродукция картины *Эдуарда Жозефа Дантана*

Рубина, Дина.
Р82 На Верхней Масловке / Дина Рубина. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 400 с. — (Большая проза
Дины Рубиной).

ISBN 978-5-699-98119-9

Взаимоотношения героев романа «На Вехней Масловке» загадочны: Анна Борисовна и Петя как будто ненавидят друг друга, но продолжают оставаться вместе... Что же удерживает их рядом столько лет?

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98119-9

© Д. Рубина, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

На Верхней Масловке

Его вельветовые брюки имели все еще очень приличный вид. За брюки он был спокоен. В присутственных местах можно непринужденно вытягивать ноги или класть одну на другую, слегка покачивая верхней. Впрочем, тогда видны мокасины, а их биография насчитывает выслугу лет куда более почтенную.

В присутственных местах, пожалуй, разумнее всего убирать ноги под кресло, тогда колени, обтянутые приличными брюками, на виду, а мокасины не мозолят глаза секретаршам, от которых, увы, так часто зависит многое.

Вот она, голубушка, вышла из кабинета. Пригласит к шефу? Или?..

Он приподнялся в кресле, стараясь, чтобы выражение лица не казалось напряженным и ожидающим. Нет-нет, все легко и непринужденно. Ничего особенного не происходит. Просто человек с высшим образованием, с красным (на всякий случай) дипломом всего только полжизни не может устроиться на работу. Итак — что же на этот раз?

Секретарша очень славная, надо отметить. Милое, чуть огорченное лицо. Ну-ну, девочка, не стоит из-за меня огорчаться, дело житейское. Итак?!

— Петр Авдеевич, к сожалению, у нас все еще неясность в этом вопросе. Елена Ивановна ушла в декрет, но, как выяснилось, Инга Семеновна на будущей неделе как раз из декрета выходит.. Ну и... вы понимаете...

— Понимаю, — подхватил он с улыбкой, с мерзейшей легкой улыбкой, выработанной его лицевыми мышцами в течение этих месяцев. — У вас налажено собственное производство новорожденных завлитов.

Она расхохоталась. Нет, она милая, ей-богу. Были бы деньги, пригласил бы ее... ну хоть в театральный буфет.

...Неужели все-таки придется вступить в эту унизительную, смехотворно мелкую игру: красиво сунуть секретарше коробку конфет, «уютно посидеть» с тем и этим инструктором министерства, появляться, крутиться, мелькать, внедряться «в круги», держа при этом в голове, кто в какую группировку входит, чтобы не ляпнуть, не дай бог, чего-нибудь или не столкнуть двух борзых из разных свор... Титаническая работа мозга и нервов, по плечу разве что разведчику из телевизионного шедевра.

Он приложился к мягкой выхоленной ручке, молча поклонился. И все это — чтобы ступить, наконец, на нижнюю ступень эскалатора, медленно ползущего вверх, на самую нижнюю, затоптанную, с ошметками сохлой грязи, ступеньку, — ах, потеснитесь же, дайте хоть левой ногою нащупать твердь, я повишу, я без претензий...

Врешь, братец, ты с ба-а-льшими претензиями... Прочь!

— Вы все-таки позванивайте, Петя, — секретарша понизила голос и многозначительно метнула глазками в сторону кабинета. — Вдруг что-нибудь да изменится... Вообще-то мы в вас заинтересованы.

Присвистывая и кивая знакомым физиономиям,

он спустился по угнетающе величественной лестнице в служебный гардероб...

Много народу. Народу, говорю, слишком много в этом городе, в этой области искусства, какую вы, драгоценный Петр Авдеич, выбрали для приложения своего таланта, в существовании которого, кстати, так странно, так неизбежно уверены... Ну, довольно шута перед собою ломать. И что за милая привычка тихого сумасшедшего появилась у тебя в последнее время — беседовать с самим собою? Иди, дурак, и делай что должно, а то на пенсию тебя проводит незабвенная швейная фабрика и драмкружок, которым без малого три столетия ты руководишь...

Хорошо, что швейцар здесь не имеет привычки услужливо разворачивать перед тобой твой же старый плащ штопаной подкладкой наружу... Елена Ивановна в декрет, Инга Семеновна из декрета... Развели бабья кругом, бабье заправляет в искусстве...

...Он навалился грудью на тяжкую, как чугунная плита, дверь служебного подъезда, с вертикально привинченной табличкой «От себя», вышел на улицу и достал из кармана плаща мятую кепочку — ветер трепал над головою мелкий дождик.

Старуха, конечно, ничего толком не поймет, но не откажет себе в удовольствии покуражиться, особенно если вечером в мастерскую кого-нибудь черт принесет. В ее девяностопятилетней памяти перетасованы времена и нравы, ей кажется, что она по-прежнему профессор ВХУТЕМАСа и стоит только позвонить Фаворскому или Левушке Бруни, как с Петей все моментально устроится. Маразма у старухи нет, этого и злейший враг не посмеет сказать, но бестолковость — сверхъестественная...

По поводу врагов: все они благополучно померли в прошлых веках, старуха победоносно их пережила и

10 похерила, ныне ее окружают сплошь любимые друзья. Враг, притом злейший, остался только один: Петя...

Из-за фонаря выскочил бездомный сирота Шарик, которого здесь изредка и скудно подкармливали, пристроился сзади на почтительный шаг и потрусил с Петей через дорогу к остановке. Перед прохожими прикидывался, да и перед собою тоже: вот, мол, и у меня хозяин есть.

Они перешли дорогу. Под навесом остановки Шарик топтался рядом, крутил хвостом и скромно поглядывал вверх. Не навязывался, нет. Петя наклонился и почесал его мокрую спину. Шарик заныл от счастья.

— Ты чего такой худой? — спросил его Петя строго.

Шарик заплакал. И видно, что не из расчета, а так, растрогался.

— Дружище, взял бы, ей-богу, взял, я в тебе заинтересован, — сказал Петя громко, возложив по-оперному руки на грудь. — Но сам понимаешь: Елена Ивановна — в декрет, Инга Семеновна — из декрета...

Девушка в долгополом, очень модном пальто, сидевшем на ней как тулуп на ямщике, бочком отошла подальше. Это рассмешило.

— Взял бы, — продолжал Петя громко и душевно, — да старуха выгонит обоих... Два приبلудных пса — даже для нее многовато... А ты приходи в драмкружок швейной фабрики, я дам тебе роль волкодава...

Оттого что с ним говорили так громко и ласково, сирота Шарик совсем размяк, он расстилался у Петиних ног, молотил хвостом по асфальту и закатывал глаза — то есть, по всему, находился на вершине блаженства.

— А что, швейная фабрика — это идея, — пробормотал Петя, опускаясь на корточки и бесцеремонно трепля разомлевающего пса. — А? Давай, друг, я уведу тебя из злочных мест в места трудовой славы, например

к вахтеру Симкину... Довольно быть прихлебателем у искусства, пора начать здоровую трудовую жизнь... Ну пойдем, здесь не очень далеко. Давай, восстань из праха... Прекрати, говорю, валяться, как слабоумный. Пойдем!

И они пошли в сторону переулка, дружески беседуя. Последнее, что расслышала девушка в ямщицком тулупе, было:

— ...И перед смертью утешусь мыслью, что устроил судьбу одной хорошей собаки.

* * *

Не заглядывая к старухе, он поднялся в свою каморку, снял, бросил на кресло плащ, что случилось с ним очень редко даже в последние проклятые месяцы, и повалился на топчан.

Снизу, из мастерской, доносились голоса. Старуха бубнила басом — что-то рассказывала, она любит поговорить на тему «В мое время», хотя все времена считает своими. Несколько раз взрывался молодой и сильный смех женщины. Красивый, низкий и свободный смех. Кокетки и глупенькие так не смеются. Нужно быть достаточно привлекательной, чтобы позволить себе подобную роскошь.

Ах да, утром старуха раз двадцать говорила, что Матвей начинает, наконец, писать ее портрет. Она помешалась на этом будущем портрете, как помешалась и на Матвее. Не будем мелочны — старуха вообще помешана. По этому поводу нельзя даже сказать, что она сошла с ума, потому что такой она и родилась на свет. И дело тут не в легендарных девяноста пяти годах. Пятнадцать лет назад, когда робким провинциальным мальчиком он был приведен кем-то из друзей в мастер-

12скую на Верхней Масловке, с привычками и характером у могучей старухи дело обстояло примерно так же. С характером особенно. Впрочем, тогда его здесь все восхищало: эти неженские, мощные, в глине лапы с закатанными по локоть рукавами, эта агрессивная независимость и мгновенная реакция в любом разговоре с любым собеседником. Нужно было пятнадцать лет потереться об этот характер, чтобы, став неврастеником, понять наконец, откуда что взялось...

Так, значит, Матвей начал портрет. Вероятно, пришел он не один, а с новой женою. Первая не выдержала вдохновенного сожительства с гением и улинула к нормальному человеку, не то шоферу, не то слесарю. Правда, черты ее не будут увековечены в «портретах жены художника», но зато в доме у нее теперь, надо полагать, чисто, покойно и не воняет скипидаром... Вторая, если она не дура, поступит так же.

Сойти, что ли, вниз, посмотреть на новую жену Матвея? Судя по смеху, это должна быть штучка.

Он поднялся, натянул старый домашний джемпер и, чувствуя зябкую сырость, пощупал батарею парового отопления.

Сволочь Костя! Только позавчера содрал с них едва ли не последнюю трешку, и пожалуйста — сегодня батареи опять едва теплятся. Он решил наорать наконец на подонка Костю, личного, как говорила старуха, слесаря. Хронический бездельник Костя приходился мужем Розе, которая иногда стряпала им, надо отдать ей должное, довольно вкусно, но слишком дорого. Роза безусловно их обкрадывала, и, черт возьми, правильно делала. Надо быть святой или безмозглой идиоткой, чтобы не почуять, как легко старуху обворовать, и не воспользоваться этим. И к чему, к чему в их жизни, ко всем остальным сложностям, нужна бесстыжая Роза?! Это все то же полное нежелание старухи осмыслить действи-

тельность и хоть как-то приспособиться к ней. Ну как же — она никогда и ни к чему не приспособливалась! Как же, как же — домработницу иметь необходимо, чтобы целиком отдавать себя творчеству.

Она получает большую пенсию. Скажем так, самую большую, какую можно у нас получать. Но проследить, куда и когда испаряются эти деньги, совершенно невозможно — большая часть уходит на подачки даровитым алкоголикам из соседних мастерских, на праведное дело опохмела. Бывает, и крупные суммы приваливают, когда музей покупает какую-нибудь старую работу, но и это все течет сквозь пальцы, выбрасывается на ветер, раздается; наконец, просто исчезает. Буквально: лежала в конфетнице пятерка, заглянула Роза на минутку — и остался в конфетнице пшик с карамелькой... Нынче уж совсем туго. Размах у старухи прежний, а денег нет. Вот уже два месяца нет Петиной скромной зарплаты, а на нее, бывало, кормились, когда старухина пенсия исчезала вдруг за два дня.

Он спустился по деревянной лестнице в холодную, с цементным полом прихожую, мельком оглядел брикеты скульптурного пластилина на стеллажах, мешки с глиной и гипсом по углам, — слава богу, Роза хоть на это не зарится.

За обшарпанной дверью мастерской басила старуха:

— ...И вот что, Матвей, милый, расстелите-ка под этюдником газету и использованные тряпки бросайте на нее. А то сейчас явится сумасшедший Петька, и нам с вами влетит.

Ну да, сумасшедший Петька, пугало Петька, ничтожество Петька. Добавьте еще — нахлебник Петька, бессовестный тунеядец, сидящий на шее у старухи!

Он не стал заходить в мастерскую, прошел по коридору в уборную, где батареи совсем не топились. Кон-

14 кретная ненависть к негодяю Косте затмевала сейчас даже постоянное глухое раздражение.

Заходить в мастерскую не хотелось потому еще, что он вспомнил: сегодня старуха собиралась занять у Матвея денег. Он ухмыльнулся мысленно: интересно, как великий Матвей чувствует себя при солидном бумажнике. Бессребреник Матвей, нищий Матвей... Да, старухе никогда прежде не пришло бы в голову одалживаться у него, все знали, что художник живет на копейки. Кажется, он вел где-то студию за какие-то восемьдесят рублей. А что такое восемьдесят рэ при нынешних ценах на холст, краски, кисти? Учítывая, что Матвей работал как вол, можно представить — что из этих восьмидесяти оставалось ему на жизнь. До недавнего времени старуха сама невзначай подкармливала его, подкармливала буквально — бутербродами, кашей какой-нибудь, потому что денег Матвей не брал никогда.

Ну а теперь времена переменились. Матвей женился. Говорят, супруга — переводчица то ли с испанского, то ли с португальского и гребет приличные гонорары. Во всяком случае, в последний раз Матвей явился в дублинке, в которой, похоже, не очень свободно себя чувствовал. Хм... интересно, как в таких семьях распределяются отношения?

Перед дверью мастерской в сумраке прихожей изогнулась, заломив руки в неге утреннего пробуждения, обнаженная гипсовая Нора. Когда к старухе являлось много народу, на Нору вешали шарфы и шляпы. Тогда она переставала быть пышущей здоровьем колхозницей и становилась похожей на девку из непристойного варьете. Увы, сама Нора — безотказная натурщица всех скульпторов с Верхней Масловки — умерла лет десять назад. Впрочем, это отдельная, щемяще-грустная история...

Он поймал себя на том, что снова стоит перед две-

рю мастерской, прислушиваясь к голосам — ворчливому басу старухи и резковатому, притягательно молодому голосу женщины:

— Отчего вам и в самом деле не писать воспоминаний?

— Оттого, что я ненавижу этот жанр, эти сплетни о великих, обязательно с подробностями, вроде с кем он в то время жил и чем болел, словно все это имеет к искусству какое-то отношение... Когда они попросили меня написать воспоминания о Модильяни, я послала их к черту. Что я могла написать: что в начале войны мы жили в одном дворе на Монпарнасе и иногда ходили вместе обедать в соседний ресторанчик? Что он был молчалив и нюхал кокаин? Что однажды он сказал мне: «У вас независимая походка» — на что я ответила: «С чего бы ей быть зависимой, если каждый месяц мне присылают двести франков?..»

Женщина расхохоталась, звонко, весело. Он толкнул дверь и вошел.

— Полундра, — сказала старуха, — Петька явился. Сейчас браниться начнет.

Она сидела в кресле, напряженно стараясь не двигаться — позировала. Напротив и чуть сбоку сидел за этюдником Матвей, хмурый, как всегда, когда работал. Он поднял голову, кивнул и снова уткнулся в палитру, переводя жесткий взгляд с холста на модель.

На Матвея всегда хотелось долго смотреть — он завораживал своей отрешенностью. Не было в нем взбаламученности, суетливости этой, когда каждым словом что-то кому-то доказывают. Похоже, он истово верил в свое предназначение и нес в себе талант с осторожным достоинством, оберегая его от разрушений, которые часто наносит жизнь. Просто жизнь как она есть...

По мастерской разгуливала молодая женщина.

16 Ай-яй-яй, вот вам и супруга — не знает, что Матвей терпеть не может, когда во время работы кто-то слоняется за спиною. Вот вам и распределение отношений внутри семьи.

На обшарпанном, без скатерти круглом столе лежали в плетенке дорогие конфеты и печенье, стояли масленка, тарелка с нарезанным хлебом. Неужели старуха успела занять денег? Когда? И кто успел сбегать в магазин? Не Матвей же — его нельзя обременять мирскими заботами.

— Петя, глянь, какую модель отхватил себе Матвей, — сказала старуха. — Простите, милая, опять забыла ваше имя...

— Нина, — невозмутимо ответила женщина. — А впрочем, зовите как вам удобно.

Отлично. Вполне в духе могучей старухи — двадцать раз переспрашивать имя. Такое может вынести не каждый человек.

— Я слышал, не только модель, — он любезно скривил губы, — но и жену.

— Ну, это — так, заодно, — быстро ответила она, не глядя на Петю. — Между прочим...

У нее хорошая реакция, и, кажется, она не глупа, если не надулась на старуху за бестактность... Можно ли назвать ее красивой? Пожалуй, да, хотя ему нравятся женщины другого типа. У этой слишком подвижное лицо, слишком энергичная мимика. И глаза очень живые и очень трезвые. Для женщины — слишком трезвые. Неги — вот чего ей недостает...

— Нина очень черная, ты не находишь, Петя? «Старая дура, вот ты кто».

— Это называется — брюнетка, Анна Борисовна, — сухо ответил он.

— Да, слишком черная. Но для живописи это хорошо, — добавила старуха.

Матвей поднял голову и улыбнулся жене.

— У меня цыгане в роду, — спокойно пояснила Нина.

— А, понятно, почему вы так красиво, так самозабвенно курите... Но цыганки прежде курили трубку. Вы попробуйте, получится оригинально... А я никогда не была ханжой. Я и пила бы, и курила, но у меня всю жизнь было слабое сердце.

— Со слабым сердцем до вашего возраста не доживают, — заметил Петя едко.

Нина ходила вдоль стеллажей, уставленных скульптурами.

— Это Паустовский? — спрашивала она. — Верно? — И удовлетворенно кивала. — А это Брюсов. Да? Он позировал вам? В каком году?

— А черт его знает, не помню, — отвечала старуха, не поворачивая головы.

— Паустовский — в пятьдесят девятом, Брюсов — в двадцать первом, — сказал Петя.

Он ненавидел, когда старуха прикидывалась, будто ей все равно, что думают о ее работах. Впрочем, он несправедлив: старуха никогда не прикидывается ни перед кем. Она естественна в любых обстоятельствах. Просто сейчас она поглощена таинством сотворения портрета. Она позирует великому Матвею.

— Черт! — пробормотал Матвей, хмурясь. — Темно... На сегодня — все, Анна Борисовна. — Он помедлил, положил на холст еще два мазка и, яростно оторвав кусок газеты, принялся скрести мастихином палитру.

Нина остановилась за его спиной и долго глядела в холст.

— Плохо, плохо... И эта кофта ядовито-зеленая! — добавил Матвей. — Анна Борисовна, неужели другой нет?

— Нет, милый. Вы же знаете, я — женщина-урод, никогда не интересовалась тряпками. Это, разумеется, патология. Нина, вы интересуетесь тряпками?

— Конечно!

— Ну а я всю жизнь была уродом. В Париж приехала в старой юбке, вывезенной из Ростова. Вообще одета была, по всей видимости, ужасно. Носила я тогда две косы, а со лба свисала длинная прядь. Когда по утрам шла в студию — лепить, то рабочие на Монпарнасе часто хватили меня за эту прядь и весело предлагали: идем со мной спать. Представляете, на кого я была похожа!..

— В каком году это было? — живо спросила Нина.

— Это было... Вы будете смеяться — это было в четырнадцатом году... Матвей, ну покажите же портрет!

— Да там еще смотреть не на что, Анна Борисовна! — Он действительно был недоволен портретом. Матвей, как и старуха, никогда не прикидывался. Он неохотно снял портрет с этюдника и поставил на пол, к столу, против окна. И отошел опять — чистить палитру. Старуха нащупала палку, тяжело поднялась с кресла и, доковыляв до раскладушки, опустилась на нее, шумно дыша. Минут пять она молча разглядывала подмалевок.

— Смотрите-ка, это рыло еще что-то о себе воображает, — бормотала она, всматриваясь в свое лицо на портрете. — Да... рука Матвея уже видна... Нина, вы знаете, что Матвей — гений?

— Других не держим, — ответила та невозмутимо.

— Анна Борисовна, я же просил! — поморщился Матвей.

Он не кокетничал. Кажется, этими вечными провозглашениями Матвеевой гениальности старуха остертела ему.

— Да, гений, — твердо продолжала старуха, не обращая внимания на его гримасу. — Художник масштаба эпохи Возрождения.